

Михальчук Наталья Александровна

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

(г. Могилев, Беларусь)

n-mihalchuk@list.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВВЕДЕНИЯ В ТЕКСТ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

В статье доказывается, что не прямые высказывания вводятся В. Набоковым в речевую коммуникацию персонажей при помощи приемов: 1) «прямое уличение»; 2) «неоповещение персонажа»; 3) «отказ от интерпретации»; 4) «перестановка означающего и означаемого». Первые три приема принимают участие в создании языковых личностей персонажей, четвертый, «неоповещение героя», применяется писателем для усиления ключевых мотивов произведений.

Ключевые слова: не прямая коммуникация, интерпретация непрямого высказывания, языковая личность персонажа, речевой портрет персонажа

The article proves that indirect statements are introduced by V. Nabokov into the characters' speech communication using various techniques, including: 1) "direct conviction"; 2) "non-notification of the character"; 3) "refusal of interpretation"; 4) "rearrangement of the signifier and the signified". The first three tricks take part in creating the linguistic personalities of the characters, the fourth, "non-notification of the hero", is used by the writer to strengthen the key motifs of the works.

Keywords: indirect communication, interpretation of an indirect utterance, linguistic personality of a character, speech portrait of a character

Принимая определение В.В. Дементьева, не прямую коммуникацию мы рассматриваем как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [1, с. 5]. Изучение не прямой коммуникации в речи персонажей В. Набокова позволяет наметить ряд проблем, немаловажных для интерпретации его произведений.

Так, своеобразно в творчестве писателя решается проблема понимания. Персонажи, находящиеся в одной плоскости с автором, близкие ему, обычно легко и безошибочно улавливают даже ту информацию, которая не выражается средствами словесного ряда. Например, в следующем фрагменте текста мать Маргына Софья Дмитриевна, тонкая натура, верно понимает коммуникативно значимое молчание сына: *“Мне можно тебя проводить до Лозанны?” – спросила мать. “Ах, я знаю, что ты не любишь проводов, – поспешила она добавить, заметив, что Мартын наморщил нос, – но я не для того, чтобы провожать тебя, а просто хочется проехаться в автомобиле, и кроме того мне нужно кое-что купить”.* **Мартын вздохнул.** *“Ну, не хочешь – не надо, – сказала Софья Дмитриевна с чрезвычайной веселостью. – Если меня не берут,*

я останусь. Но только ты наденешь теплое пальто, на этом я настаиваю”.

(Невербальные средства коммуникации – отказ.)

Персонажи с чуждым автору типом сознания, «пошляки», плохо понимают тех, кого В. Набоков считает людьми более высокой духовной организации. Об этом убедительно свидетельствует следующий пример, в котором наблюдаем непонимание Алферовым иронии Ганина: – *Вы не математик, Антон Сергеевич, – суетливо продолжал Алферов. – А я на числах, как на качелях, всю жизнь прокачался. Бывало, говорил жене: раз я математик, ты мать-и-мачеха... Горноцветов и Колин залились тонким смехом. Госпожа Дорн вздрогнула, испуганно посмотрела на обоих. – Одним словом: цифра и цветок, – холодно сказал Ганин. Только Клара улыбнулась. Ганин стал наливать себе воды, все смотрели на его движение. – Да, вы правы, нежнейший цветок, – протяжно сказал Алферов, окинув соседа своим блестящим, рассеянным взглядом.* (Согласие – оскорбление (ирония).)

Неспособность героя декодировать обращенное к нему косвенное высказывание несет стилистическую нагрузку в текстах произведений В. Набокова (прием «отказ от интерпретации»). Так, в романе «Отчаяние» Герман и не желает, и не оказывается способным эксплицировать сентенциальные косвенные репрезентативы Феликса, что подчеркивает, с одной стороны, косность его мышления и несостоятельность как творческой личности, с другой – душевную глухоту и равнодушие к людям. Ср.: «Ты на войне побывал?» – спросил я и несколько раз сряду прочистил горло, – голос был хриплый. «Да, – ответил он, – а что?» «Так, ничего. Здорово боялся, что убьют, – правда?» Он подмигнул и проговорил загадочно: «У всякой мыши – свой дом, но не всякая мышь выходит оттуда». Я уже успел заметить, что он любит пошлые прибаутки, в рифму; не стоило ломать себе голову над тем, какую собственно мысль он желал выразить». (Диада: сообщение – согласие.)

«Отказ от интерпретации» сообщения одного персонажа, выражаемый другим, может свидетельствовать об угнетенном душевном состоянии адресата. Например, знаком коммуникативной рассогласованности в следующем примере является отсутствие адекватной мимической реакции со стороны собеседника, о чем сообщается в ремарке: «*Не так страшен черт, как его малюшки. Я сказал «малюшки», ты слышишь, душенька?» Но дочь не улыбнулась, только вздохнула.* (Диада: сообщение – утешение (шутливое).)

В романе «Подвиг» любимая девушка Маргына Соня не способна верно интерпретировать его коммуникативно значимое молчание. Используя прием «отказ от интерпретации», писатель наделяет героиню нечувствительностью, душевной глухотой и усиливает образую антигезу «Соня – Софья Дмитриевна».

Речевое поведение матери Ц. Цинцинната Цецилии в романе «Приглашение на казнь» характеризуется полным отходом от реальной коммуникативной ситуации. В обстановке тюрьмы, куда она приходит навестить сына, героиня ведет себя так, словно зашла в гости на чай, на лексическом уровне использует слова и словосочетания, не соответствующие ситуации, ср.: «Ну, вот», – ска-

зала она прежним лепечущим говорком, – посидела и пойду. Кушайте мои конфетки. Засиделась. Пойду, мне пора». Ц. Цецилия является адресатом многочисленных иронических реплик и косвенных оскорблений со стороны Цинцинната, но никаких сигналов интерпретации слушающим данных коммуникативных смыслов в тексте нет. Следовательно, выразительные возможности «отказа от интерпретации» в текстах произведений В. Набокова не ограничиваются мотивом непонимания. В «Приглашении на казнь» этот прием реализует один из ключевых мотивов ирреальности людей, окружающих Цинцинната.

Не «слышит» вопроса Цинцинната, имеющего значение просьбы, и директор тюрьмы Родриг Иванович, ср.: «– Я жаловаться не собираюсь, – сказал Цинциннат, – но хочу вас спросить: **существует ли в мнимой природе мнимых вещей, из которых сбит этот мнимый мир, хоть одна такая вещь, которая могла бы служить ручательством, что вы обещание свое исполните?** – Обещание? – удивленно спросил директор, перестав обмахивать себя картонной частью календаря (крепость на закате, акварель). – Какое обещание? – Насчет завтрашнего прихода моей жены. Пускай в данном случае вы не согласитесь дать мне гарантию, – но я ставлю вопрос шире: существует ли вообще, может ли существовать в этом мире хоть какое-нибудь обеспечение, хоть в чем-нибудь порука, – или даже самая идея гарантии неизвестна тут? (Пауза.) – А бедный-то наш Роман Виссарионович, – сказал директор, – слышали? Слег, простудился и, кажется, довольно серьезно... » (Диада: вопрос – просьба (встретиться с женой).)

В качестве стилистического приема, используемого В. Набоковым при введении в текст непрямой коммуникации, следует рассматривать **«неоповещение персонажа»**: декодирование косвенного речевого акта читателем и неспособность к его «расшифровке» персонажа по причине недостатка фоновой информации. В «Подвиге» мать Мартына Софья Дмитриевна не осведомлена о том, что Соня ответила отказом Мартыну, а читатель об этом знает. Потому косвенные речевые акты в диалогах с матерью усиливают для читателя минорный мотив крушения надежды и первой любви. Ср.: «Ты, может быть, уже обручен?» **Мартын шурился, смеялся и ничего не отвечал.** «Я буду ее очень любить», – тихо, святым голосом произнесла Софья Дмитриевна. **«Пойдем гулять, чудная погода»,** – сказал Мартын, делая вид, что меняет разговор». (Диада 1: невербальные средства коммуникации – отказ. Диада 2: Сообщение – отказ (тактика смены темы разговора, переадресации действия.) «Поклонись ей, – шепнула она с многозначительной улыбкой, и **Мартын кивнул.**» (Диада: невербальные средства коммуникации – согласие (вынужденное)).

В качестве стилистического приема Набоков использует **«прямое уличение»** – открытую, вербальную интерпретацию непрямой коммуникации одного героя другим.

Персонаж пьесы «Человек из СССР» Ошивенский преследует определенную цель: вернуться из Германии в Россию благодаря протекции Кузнецова.

Для скрытия истинных намерений герой прибегает к разновидности не прямой коммуникации – речевой манипуляции. Он делает вид, что просит у Кузнецова совета, как быть. Его уловку Кузнецов осознает, намерения легко «расшифровывает» и вербально эксплицирует. И Опивенский вынужден сформулировать просьбу прямо. Услышав отказ, он негодует и разоблачает себя, утверждая, что совет ему был и не нужен – нужна помощь. В той же мере, в какой не прямая коммуникация характеризует Опивенского, прямая коммуникация является средством создания речевого портрета Кузнецова – человека прямого, предпочитающего определенность в отношениях с людьми, избегающего двусмысленности.

Выбор прямой или не прямой коммуникации может быть подчинен игровой модели взаимоотношений В. Набокова с читателем. Так, существует скрытый мотив использования прямой коммуникации В. Набоковым при создании образа Кузнецова: играя с читателем, писатель проецирует образ этого персонажа на большевика, каковым и воспринимают ошибочно Кузнецова окружающие – тем сильнее «эффект неожиданности» для читателя в финале.

В рассказе «Лик» Набоков также эксплицирует в тексте означаемое и означаемое диады, но уже иного типа: «Вопрос – просьба». Данная экспликация включается в реплики персонажа, однако герой настаивает на том, что его коммуникативная цель представляет собой означаемое, а не означающее: *«Я и не буду тебя ни о чем просить. Не мой жанр просить, – крикливо отчеканил Колдунов, снова перебив самого себя. А вот хочу только знать твоё мнение. Просто философский вопрос. Дамы могут не слушать. Как ты думаешь, чем это все можно объяснить? Вот, объясни: я – человек, – притом тех же самых кровей, что и ты, – шутка ли сказать, я был у покойной мамашки единственным и обожаемым, в детстве шалил, в юности воевал, а потом – поехал, поехал... ой-ой-ой, как поехал... В чем дело? Нет, ты мне скажи, в чем дело? Я только хочу знать, в чем дело, тогда я успокоюсь. Почему меня систематически травилась жизнь, почему я взят на амлду какого-то несчастного мерзавца, на которого все харкают, которого обманывают, застраивают, сажают в тюрьму?»* (Диада: вопрос – просьба.) *«А нет, постой. Я тоже многое понимаю. Странный ты мужчина... Ну, предложи мне что-нибудь... Попробуй! Может быть, все-таки меня озолотишь, а?»* (Диада: вопрос – просьба.) Данный прием «перестановки означающего и означаемого» (манипуляция) в рассматриваемом контексте способствует созданию речевого портрета героя – человека, не лишённого хитрости, пустослова и демагога.

Таким образом, не прямые высказывания вводятся в художественный текст при помощи различных стилистических приемов, что способствует созданию художественных образов персонажей и импликации сюжетообразующих событий. Это приемы «прямого уличения», «перестановки означающего и означаемого», «отказа от интерпретации», «неоповещения персонажа».

Литература

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
2. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков ; сост. и предисл. В. Ерофеева ; примеч. О. Дарк. – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – 415 с.
3. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков ; сост. и предисл. В. Ерофеева ; примеч. О. Дарк. – М. : Правда, 1990. – Т. 2. – 446 с.
4. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков ; сост. и предисл. В. Ерофеева ; примеч. О. Дарк. – М. : Правда, 1990. – Т. 3. – 479 с.
5. Набоков, В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков ; сост. и предисл. В. Ерофеева ; примеч. О. Дарк. – М. : Правда, 1990. – Т. 4. – 476 с.
6. Набоков, В. Трагедия господина Морна : Пьесы. Лекции о драме / В. Набоков ; вступ. ст. А. Бабинов. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 637 с.